

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА 1

Серия плакатов организации „Brot für die Welt“ под лозунгом „Würde für den Menschen“ – «Достоинство человека» (<http://www.brot-fuer-die-welt.de/>):

рис. 1

рис. 2

рис. 3

Плакаты, созданные студентами Грайфсвальдского университета (Германия) (фото Х. Вальтера):

рис. 4

рис. 5

рис. 6

рис. 7

рис. 8

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА 2

Плакаты, построенные по принципу антитезы (фото Х. Вальтера):

Твой Христос – еврей
 Твоя машина – японская
 Твоя пицца – итальянская
 Твоя демократия – греческая
 Твой кофе – бразильский
 Твой отпуск – турецкий
 Твои числа – арабские
 Твой шрифт – латинский
 А твой сосед всего лишь иностранец?

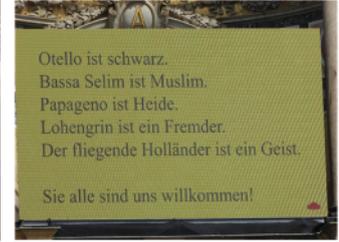
рис. 9

Риголетто – итальянец
 Евгений Онегин – русский
 Дон Карлос – испанец
 Кармен – из Рима
 Макбет – шотландец

Всем добро пожаловать!

рис. 10

Отелло – черный
 Басса Селим – мусульманин
 Папагено – язычник
 Лоэнгрин – иностранец
 Летучий голландец – дух

Всем добро пожаловать!

рис. 11

Работы конкурса на лучший визуальный образ, репрезентирующий толерантные национальные идеи России, среди молодежи г. Магнитогорска (Россия) (slovarn.ru):

рис. 12

Я, ты, он, она - многонациональная страна.
 Верность культуре, свободу идей
 Ты, сохранив, приумножить сумей!
 Искусство, науку народов своих
 Прославит великий могучий язык.

рис. 13

рис. 14

Tolerance
 it's a peace
 in the world

рис. 15

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА 3

«Заповеди россиянина» в стиле поп-арт»
(<http://mger2020.ru/nextday/2015/01/21/77970>):

рис. 16

рис. 17

рис. 18

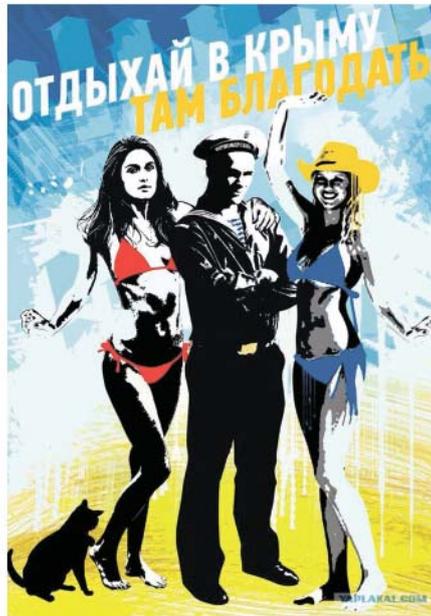

рис. 19

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА 4

Плакаты И. Петрыгина-Родионова, представленные на сайте Коммунистической партии Российской Федерации (<http://2016кп.рф/news/121-pervaya-avtorskaya-rubrika-portala-agitvernisazh-petrygina-rodionova.html>):

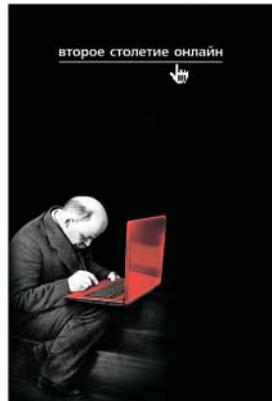

рис. 20

рис. 21

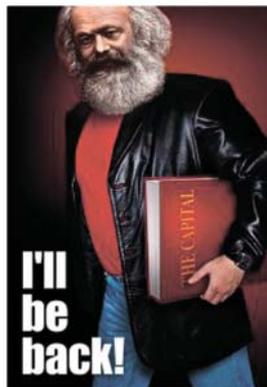

рис. 22

рис. 23

**ДЕНЕГ
НЕТ,
НО ВЫ
ЖИТЕСЬ!**

18 сентября 2016 года
выборы в Государственную Думу Российской Федерации

рис. 24

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ КОНТАКТЫ В XX – НАЧАЛЕ XXI в. И ИХ ОСВЕЩЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2016), 183–190
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2016), 183–190
©Автор(ы) 2016

ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ И ЕГО РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТРЯДОВ В ОЦЕНКЕ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX в.

А.Г. Дорожкин*, Ю.Д. Коробков**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
andrew-67@mail.ru*

** *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
n.kyakkinen-56@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики формирования ментальности российского пролетариата в пореформенную и предреволюционную эпоху и отражению данного процесса в немецкой историографии XX в. Основное внимание уделено при этом Уральскому региону – одному из старейших промышленных центров страны. Сложный и противоречивый характер формирования российского пролетариата и его региональных отрядов, в том числе уральского, создал непростую историографическую ситуацию в выявлении его социальной природы. Вплоть до настоящего времени эта проблема по-разному трактуется отечественными и зарубежными специалистами, что во многом связано с различием в подходах к определению социально-экономической природы российской и уральской промышленности. В зависимости от акцентирования ее ка-

Дорожкин Андрей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: andrew-67@mail.ru

Коробков Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: n.kyakkinen-56@yandex.ru

питалистической сущности или переходного характера облик российского рабочего определяется либо как пролетарский, либо как тип «полурабочего-полукрестьянина». Здесь определенную роль играли связь непосредственного производителя с землей, формирование специфического менталитета и профессиональных качеств. На Урале, с учетом существования здесь давней традиции индустриального производства, указанные процессы формирования самостоятельного класса зашли достаточно далеко; при этом наличие у рабочего земельного надела играло роль своеобразного «страхового полиса» и объективно могло благоприятствовать участию в стачечном движении. Тем не менее говорить о полном изживании традиционной крестьянской психологии в среде уральского пролетариата предреволюционной эпохи было бы некорректно; рабочий класс региона, по мнению большинства историков, все еще оставался классом переходного типа. В связи с этим в статье анализируется, в том числе в историографическом контексте, противоречивость ментальности рабочего класса дореволюционной эпохи, российского вообще и уральского в частности, отмечается сочетание в его психологии традиционного крестьянского и собственно пролетарского сознания, делается вывод о незавершенности процесса становления последнего, как и об определенной близости трактовки проблемы в германской и российской исторической науке.

Ключевые слова: Урал, рабочие, горная промышленность, немецкая историография

Введение

Сложный и противоречивый характер формирования российского пролетариата и его региональных отрядов, в том числе уральского, создал непростую историографическую ситуацию в выявлении его социальной природы. Вплоть до настоящего времени эта проблема по-разному трактуется отечественными специалистами, что во многом связано с различием в подходах к определению социально-экономического характера российской и уральской промышленности. В зависимости от акцентирования ее капиталистической сущности или переходного статуса, облик российского рабочего определяется либо как пролетарский, либо как тип «полурабочего-полукрестьянина». Не последнюю роль при таком дефинировании играет фактор связи с землей дореволюционного пролетариата.

Следует отметить, что характер и масштабы этой связи были и для германской историографии одним из главных факторов оценки уровня классовой зрелости пролетариев. Еще в середине 1920-х гг. Р. Клаус подчеркивал сезонный характер значительной части рабочей силы фабрик и заводов, особенно на Урале, в Сибири и на Юге России. В Петербурге и Риге это проявлялось слабее¹. Для немецких историков второй половины XX в. характерен был различный подход к решению данной проблемы. Исследователи М. Хильдермайер и Б. Бонвеч в большей мере акцентировали внимание на пребывании значительной части рабочего класса страны начала XX в. «между полем и фабрикой», а Т. Хельд указал на ослабление его связи с деревней и возрастание доли потомственных рабочих, которых он неправоммерно отождествил с «рабочей аристократией»². Б. Бонвеч, Г. Гросс и Т. Стеффенс, напротив, подчеркивали сохранение за крестьянством и в эти годы

¹ Клаус 1926, 42–43.

² Handbuch 1982, 429; Steffens 1985, 54, 63; Hildermeier 1989, 30; Bonwetsch 1991, 75–78, 85–86; Held 1994, 170.

роли важнейшего источника пополнения рабочего класса даже в столице империи, в том числе и в металлообрабатывающем производстве³.

Германские историки второй половины XX в. разграничивали номинальную и фактическую связь с землей, подразумевая под последней лишь уход на полевые работы в деревню. При этом доля фабрично-заводских и особенно горнозаводских рабочих, практиковавших такой уход, представлялась Б. Бонвечу и Т. Стеффенсу значительной даже для Петербурга⁴. В то же время Т. Стеффенс указал на преобладание среди рабочих столицы номинальной связи с деревней. Такое положение наблюдалось даже в текстильной промышленности, не говоря уже о металлоиндустрии⁵. Б. Бонвеч, в отличие от М. Хильдермайера и Т. Хельда, учитывал, говоря о связи с землей занятых в промышленности, региональную и отраслевую специфику. В территориальном отношении основными очагами оттока занятых в промышленности на сельскохозяйственные работы являлись центральнопромышленные губернии, Урал и более отсталые регионы⁶.

Но детальное рассмотрение оппозиции «поле-фабрика» на примере землепользования горнозаводских рабочих Урала требует, на наш взгляд, особого анализа. Связь с землей не должна рассматриваться в качестве единственного или, по крайней мере, определяющего классовообразующего фактора на горнозаводском Урале. Уральский рабочий в массе своей не имел желания заниматься земледелием⁷. Его аграрные требования были связаны, во-первых, с усилением в пореформенное время нажима со стороны заводоуправлений на земельные наделы рабочих. Это порождало желание сохранить их за собой по праву давности. Во-вторых, ряд обстоятельств, определивших рост у рабочих настроений неуверенности в завтрашнем дне, заставлял их обзаводиться на черный день «страховым полисом» в виде земельного надела. На это обстоятельство указывал видный русский экономист И.Х. Озеров⁸. Кроме того, некоторые рабочие сдавали свою земельную собственность в аренду крестьянам за небольшую плату. На эти особенности отношения рабочих к земле указывали и немецкие историки второй половины XX в. Б. Бонвеч и М. Хильдермайер; первый из них считал наличие у рабочих такого «страхового полиса» фактором их стачечной активности⁹.

В первые пореформенные годы случалось, что рабочие отказывались от земли, находя возможным обеспечить себя за счет заводской работы. Как отмечал в 1866 г. пермский губернатор, «заводские работы для мастерового населения составляют единственное средство к существованию». На это же указывал в феврале 1882 г. вятский губернатор. О том же в многочисленных прошениях писали и сами рабочие¹⁰. Если же говорить о структуре земельных наделов, то в ней преобладали покосы. Пашни было совсем мало, особенно в Пермской губернии. Для вспомогательных рабочих, занятых на перевозке сырья и топлива, покосы были

³ Handbuch 1981, 131; Bonwetsch 1991, 76–78; Hildermeier 1989, 29.

⁴ Bonwetsch 1991, 75.

⁵ Steffens 1985, 71–72.

⁶ Bonwetsch 1991, 71, 75.

⁷ Митинский 1909, 36.

⁸ Озеров 1910, 204; Миллюков 1911, 13–14.

⁹ Bonwetsch 1991, 79; Hildermeier 1989, 30.

¹⁰ Положение 1960, 70, 398; ГАСО. Ф. 24. Оп. 17. Д. 1080. Л. 100; Пихоя 1987, 112.

производственной необходимостью, для основных – отчасти бытовой надобностью, отчасти – составной частью традиционного быта¹¹.

Наряду с земельным вопросом, большое влияние на формирование рабочего класса, по мнению германских историков, оказывали образ жизни и ментальные особенности крестьян, их обычаи, традиции, стереотипы восприятия и реагирования, а также общинные формы организации. При этом Б. Бонвеч особо указал на сохранение российским рабочим классом своей изначально крестьянской природы¹². В целом логика рассуждений немецких историков, склонных рассматривать традиционные крестьянские представления, присущие части рабочих, как анахронизм, постепенно отступающий перед «передовым» мировоззрением, созвучна воззрениям, доминирующим отечественной историографии. В наибольшей мере это свойственно Т. Хельду, который идеализирует дореволюционный российский пролетариат¹³.

С учетом специфики горноокружной системы, которая втягивала в единое производственно-бытовое пространство рабочих заводских поселков и крестьян соседних деревень, на Урале проблема адаптации к меняющимся реалиям стояла весьма остро¹⁴. Вместе с тем, многочисленные и разнопорядковые источники свидетельствуют о том, что уральские рабочие уже в пореформенный период четко осознавали себя особой социальной группой, самодистанцировались от ближайшего социального окружения (крестьянство, заводская администрация), считали заводскую работу своим главным предназначением, гордились своей профессиональной принадлежностью и не желали ее менять¹⁵. Наблюдались различия и в быту – В.И. Немирович-Данченко утверждал, что семьи квалифицированных рабочих Нижнего Тагила в 70-е годы XIX в. уже не знали такой формы проведения досуга, как хороводы¹⁶. Примером для подражания рабочим с 1870-х годов служили особенности быта и образа жизни заводских служащих и горожан. Эта тенденция проявилась, прежде всего, в одежде и домашней обстановке¹⁷. В начале XX в. «отделение» рабочих от крестьян «материализуется» и на этнокультурном уровне (различия в языке, обрядах, обычаях, значительное сокращение смешанных браков, «приближение» семьи горнозаводского рабочего к типу городской семьи)¹⁸.

Говоря о формировании классового сознания российского пролетариата, германские историки М. Хильдермайер, Т. Стеффенс, Б. Бонвеч, Т. Хельд рассматривают повышенную склонность российских рабочих к стачечным выступлениям как проявление бунтарства, свойственного традиционной крестьянской психологии¹⁹. Это наблюдалось и на Урале, но здесь «бунтарство» во многом проистекало из особенностей горноокружной системы²⁰. Наряду с этим германские исследователи признавали и постепенное развитие пролетарской революционности, пред-

¹¹ Бажов 1986, 32.

¹² Hildermeier 1989, 29–30; Steffens 1985, 63–65; Bonwetsch 1991, 76–78; Held 1994, 166–180.

¹³ Дорожкин 2006, 58; Коробков 2003, 114–116.

¹⁴ Подшивалов 1925, 71; Гуськова 1970, 295.

¹⁵ Положение 1960, 159, 430, 435; Немирович-Данченко 1904.

¹⁶ Немирович-Данченко 1904, 280.

¹⁷ Крупянская, Полищук 1971, 43.

¹⁸ Крупянская, Полищук 1971, 48, 89, 170.

¹⁹ Hildermeier 1989, 29–30; Steffens 1985, 63–65; Bonwetsch 1991, 76–78; Held 1994, 166–180.

²⁰ Коробков 2004, 198.

полагающей большую организованность участников и выдвижение политических и специфических для фабрично-заводских рабочих экономических требований. За исключением Т. Стеффенса, немецкие историки XX в. не рассматривали влияние радикальной интеллигенции на этот процесс, а связывали его с ростом доли потомственных пролетариев²¹.

Уральский материал подтверждает данный взгляд германских историков. Наряду с сохранением традиционалистской, патерналистской компоненты массового сознания, в пореформенный период наблюдается формирование чувства собственного достоинства, стремления к материальному достатку и защите своих прав, профессиональной гордости и осознания ценности своего труда. Рабочие стремились сохранить внутреннее достоинство, и в начале XX в. требования вежливого обращения, уважения личности, наряду с повышением заработной платы и введением восьмичасового рабочего дня, становятся одними из основных в конфликтах с администрацией, особенно в 1905–1907 гг., в том числе и на Урале²². Рост собственной самооценки, самоуважения в своей среде в конце XIX в. отмечали как сами рабочие, так и Уральское горное управление²³. В понятие рабочего достоинства входило и осознание необходимости достойного вознаграждения за свой труд. Так, рабочие Нижнетагильского завода говорили в 1891 г. об обеспеченности со стороны хозяев «по крайней мере, настолько, чтобы рабочий вместе со своей семьей не имел нужды в удовлетворении первых и настоятельных жизненных потребностей»²⁴.

Но, говоря о ментальности уральского дореволюционного пролетариата, нельзя забывать, что речь идет об одном из старейших индустриальных районов России и особенности этого региона нельзя механически экстраполировать на ее другие промышленные центры. Между тем Т. Хельд, а отчасти М. Хильдермайер, Т. Стеффенс и Б. Бонвеч склонны переоценивать степень зрелости российского рабочего класса, чему парадоксальным образом противоречит подчеркивание этими же исследователями значительной отсталости предреволюционной России. Не вполне ясно, как в «отсталой» стране за короткое время смог образоваться «классово сознательный» пролетариат и чем объяснить в таком случае разрушительные процессы в русской индустрии, начавшиеся при его непосредственном участии сразу же после свержения монархии. В этой связи несомненный интерес представляет постановка В.В. Алексеевым вопроса об обусловленности «великих потрясений» начала XX в. фактом ускоренного экономического развития, за которым явно не поспевали сдвиги в социальном, особенно в социально-психологическом состоянии основных социальных групп, в том числе рабочего класса страны²⁵. В немецкоязычном секторе европейской историографии более продуктивным, взвешенным, обоснованным и свободным от крайностей как марксистского, так и народнического характера представляется вывод австрийского историка П. Фельха о совмещении российским пролетариатом черт и рабочих индустри-

²¹ Held 1994, 180; Hildermeier 1989, 80–81, 95; Bonwetsch 1991, 79–83.

²² ГАПО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 72. Л. 28; РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 230. Л. 327.

²³ РГИА. Ф. 48. Д. 230. Л. 97.

²⁴ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 72. Л. 26.

²⁵ Алексеев 2000, 97.

альной эпохи, и крестьян. Не будучи идентичным ни той, ни другой категории, данный слой нес в себе конфликтный потенциал обеих социальных групп²⁶.

Заключение

В целом определение социальной природы горнозаводских рабочих Урала как полурабочих-полукрестьян представляется некорректным. В их облике очевидно наличие главных стратификационных черт рабочего класса: неразрывная связь с заводским производством, идентификация себя в качестве заводских рабочих и дистанцирование от ближайшего социального окружения, несмотря на тесную производственную и бытовую связь с ним, реальная сформированность таких пролетарских качеств, как чувство собственного достоинства, профессиональная гордость, стремление к самостоятельности и независимости. Это не исключало, разумеется, ряда региональных и социально-психологических особенностей. Впрочем, и в советский период многие из рабочих горнозаводского Урала продолжали вести «стародедовский» образ жизни, имели свои дома, хозяйство, покосы, огороды.

Если говорить о трактовке германской историографией XX в. социальной психологии российского дореволюционного пролетариата, то приходится признать, что в целом ее оценки коррелируются с суждениями современных российских историков. И, как представляется авторам данной статьи, есть все основания рассматривать российских, в том числе уральских, рабочих в качестве переходного класса, особенности социальной психологии и социального поведения которого определялись именно этим состоянием.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, В.В. 2000: Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? *Уральский исторический вестник* 5–6, 96–104.
- Бажов, П.П. 1986: *Сочинения*: в 3 т. М.
- Гуськова, Г.К. 1970: Облик рабочих Урала. В кн.: *Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония*. М.
- Дорожкин, А.Г. 2006: Рабочий вопрос в дореволюционной России в трактовке немецкоязычного россиеведения. *ПРИ* 7, 48–80.
- Клаус, Р. 1926: *Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.)*. М.
- Коробков, Ю.Д. 2003: Трудовая этика уральских рабочих в конце XIX – начале XX века. В кн.: *Индустриализация в СССР: уроки истории (к 70-летию пуска Челябинского тракторного завода)*. *Материалы международной научной конференции*. Челябинск, 114–116.
- Коробков, Ю.Д. 2004: Политический выбор и политическое поведение уральских рабочих в 1917 г. *ПРИ* 3, 196–217.
- Крупянская, В.Ю., Полищук, Н.С. 1971: *Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.)*. М.
- Милюков, А. 1911: *Несколько слов о Воткинском заводе*. Сарапул.
- Митинский, А.Н. 1909: *Горнозаводской Урал*. СПб.
- Немирович-Данченко, В.И. 1904: *От Камы до Урала*. СПб.

²⁶ Felch 1984, 250. Ср.: Сенявский 2000, 143, 145.

- Озеров, И.Х. 1910: *Горные заводы Урала*. М.
- Пихоя, Р.Г. 1987: *Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.)*. Свердловск.
- Подшивалов, И. 1925: *Гражданская борьба на Урале. 1917–1918*. М.
- Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в. 1861–1904*. М., 1960.
- Сенявский, А.С. 2000: Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных процессов. *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург 5–6, 139–151.
- Bonwetsch, B. 1991: *Die russische Revolution 1917: eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz*. Darmstadt.
- Felch, P. 1984: Die Binnenmigration in Russland am Ende des 19. Jahrhunderts. In: *XV. Oesterreichische Historikertag. 1981*. Salzburg, 248–250.
- Handbuch der Geschichte Russlands. 1981–1982*. Bd. 3. Lfg. 1 /2. Stuttgart; Lfg. 5 /6. Stuttgart.
- Held, T. 1994: Arbeitermilieus und soziale Erfahrungen in der Petersburger Metallindustrie. 1890–1914. In: *Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spaetphase des Zarenreiches*. Frankfurt a. M., 165–185.
- Hildermeier, M. 1989: *Die russische Revolution. 1905–1921*. Frankfurt a.M.
- Steffens, T. 1985: *Die Arbeiter von Petersburg 1907 bis 1917. Soziale Lage, Organisation und spontaner Protest zwischen zwei Revolutionen*. Freiburg.

REFERENCE

- Alekseev, V.V. 2000: Modernizatsiya i revolyutsiya v Rossii: sinonimyiliantipody? *Uralskiy istoricheskiy vestnik* 5–6, 96–104.
- Bazhov, P.P 1986: *Sochineniy: v 3 t*. Moscow.
- Bonwetsch, B. 1991: *Die russische Revolution 1917: eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz*. Darmstadt.
- Dorozhkin, A.G. 2006: Rabochiy vopros dorevolucionnoy Rossii v traktovke nemetskoyazychnogo rossievedeniya. *Problemy rossijskoy istorii* 7, 48–80.
- Felch, P. 1984: Die Binnenmigration in Russland am Ende des 19. Jahrhunderts. In: *XV. Oesterreichische Historikertag, 1981*. Salzburg, 248–250.
- Gus'kova, G.K. 1970: Oblik rabochih Urala. In: *Rossijskiy proletariat: oblik, bor'ba, gegemoniya*. Moscow.
- Handbuch der Geschichte Russlands. 1981–1982*. Bd. 3. Lfg. 1 /2. Stuttgart; Lfg. 5 /6. Stuttgart.
- Held, T. 1994: Arbeitermilieus und soziale Erfahrungen in der Petersburger Metallindustrie. 1890–1914. In: *Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spaetphase des Zarenreiches*. Frankfurt a. M., 165–185.
- Hildermeier, M. 1989: *Die russische Revolution. 1905–1921*. Frankfurt a.M.
- Klaus, R. 1926: *Voyna i narodnoe hozyaystvo Rossii (1914–1917-gg)*. Per. s nem. Moscow.
- Korobkov, Yu. D. 2003: Trudovay aetika ural'skih rabochih v kontse XIX – nachale XX veka. In: *Industrializatsiya v SSSR: urokiistorii (k 70-letiyu puska Chelyabinskogo traktornogo zavoda)*. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Chelyabinsk, 114–116.
- Korobkov, Yu. D. 2004: Politicheskiy vybor i politicheskoe povedenie ural'skih rabochih v 1917 g. *Problemy rossijskoy istorii* 3, 196–217.
- Krupyanskaya, V.Yu., Polishchuk, N.S. 1971: *Kul'tura i byt rabochih gornozavodskogo Urala (konets XIX – nachalo XX v.)*. Moscow.
- Milyukov, A 1911: *Neskol'koslov o Votkinskom zavode*. Sarapul.
- Mitinskiy, A.N. 1909: *Gornozavodskoy Ural*. Saint-Petersburg.
- Nemirovich-Ddanchenko, V.I. 1904: *Ot Kamy do Urala*. Saint-Petersburg.
- Ozerov, I.H. 1910: *Gornye zavody Urala*. Moscow.

- Pihoya, R.G. 1987: *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' trudyashchihsya Urala (konets XVII–XVIII vv.)*. Sverdlovsk.
- Podshivalov, I. 1925: *Grazhdanskaya bor'ba na Urale. 1917–1918*. Moscow.
- Polozhenie rabochih Urala vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. 1861–1904*. Moscow.
- Senyavskiy, A.S. 2000: Rossiyskiy put' k gorodskomu obshchestvu v kontekste modernizatsionnyh protsessov. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. Ekaterinburg 5–6, 139–151.
- Steffens, T. 1985: *Die Arbeiter von Petersburg 1907 bis 1917. Soziale Lage, Organisation und spontaner Protest zwischen zwei Revolutionen*. Freiburg.

THE FORMATION OF THE WORKING CLASS OF RUSSIA AND ITS
REGIONAL UNITS IN ASSESSING THE GERMAN HISTORIOGRAPHY
OF THE 20th century

Andrey G. Dorozhkin*, Yuri D. Korobkov**

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
andrew-67@mail.ru

** *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
n.kyakkinen-56@yandex.ru

Abstract. The article deals with the specific features of the formation of the Russian working-class mentality during the post-reform and prerevolutionary periods and the reflection of this process in the German historiography of the XX century. The author focuses on the Ural region, which is one of the oldest industrial centers of the country. The complex and contradictory nature of the Russian working-class (proletariat) and its regional units' formation (including the Urals) created an uneasy historiographical situation in terms of identifying its social nature. So far this problem has been differently treated by Russian and foreign experts. This is largely due to the difference in the approaches to the definition of a socio-economic nature of the Ural and Russian industry. Depending on the accent of its capitalist entity or the transitional nature, the Russian worker's image is defined either as a proletarian or as a kind of "demi-worker and demi-peasant". Here, a certain role was played by the fact that direct manufacturers were related to land as well as there was forming specific mentality and competencies. Considering that there was a long tradition of industrial production, in the Urals, the mentioned processes of formation of an independent working class had gone far enough by that time. At the same time the landed property belonging to workers was a kind of insurance policy and objectively might encourage their participation in the strikes. Nevertheless, it wouldn't be right to state the full elimination of the peasant psychology in the workers' environment in the Urals in the prerevolutionary times. The regional working class, according to the most historians, was still of the transitional type. In this connection, the article analyses the historiographical context including the contradictory character of the mentality of the working class before the revolution, both in Russia and in the Urals in particular. It is marked that there is the combination of traditional peasant mentality and proletarian outlook in the workers' consciousness and concluded about certain closeness of the interpretation problem in the German and Russian historical scholarship.

Key words: Ural, workers, mining industry, German historiography